

Э. Рудаковская

Семантика пищи в повести А. Платонова «Котлован»

Настоящая статья продолжает изучение семантического комплекса пищи в произведениях А. Платонова¹. Тема пищи проходит через все творчество писателя: ей уделяется внимание в ранней публицистике, в рассказах 20-х гг., в романах «Чевенгур» и «Счастливая Москва», в повестях и рассказах второй половины 30 – 40-х гг., в пьесе «Шарманка». Важность этой проблематики во многом заключается в том, что у Платонова «пища» вместе с обычной интерпретацией простого наполнения желудка трактуется очень широко, приобретает некое бытийное толкование. Процесс питания в художественном мире писателя является примером отражения единства телесного и духовного начал. Принятие пищи пересекается с насыщением внутреннего мира; процессы познания нередко описываются как физиологическое заполнение организма.

Одной из основных характеристик платоновского универсума является его вещественность, что выражается, «с одной стороны, в подчеркнутом внимании писателя к материальной стороне жизни, к физиологии человека и, с другой – в материализации, овеществлении любых нематериальных явлений мира»². Исключительная «телесность» мира «Котлована» выражается, в частности, в повышенной частотности слов, называющих части тела. Как показывают данные японской исследовательницы Х. Кубо³, плотность употребления таких слов как «тело», «живот», «туловище», «рот», «голова» в «Котловане» значительно превышает статистику «Чевенгура», а тем более цифры «Частотного словаря русского языка» под редакцией Л.Н. Засориной.

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей функционирования в повести «Котлован» лексики, составляющей семантическое поле пищи. Будет также прослежено, как участвует тема пищи в формировании общей тематики романа, ее отражение в идейно-сюжетной организации текста.

Семантическое поле пищи в языке повести репрезентировано достаточно разнообразно, что подчеркивает важность этой проблематики для Платонова. Глаголы представлены синонимичными лексемами: «есть» (37), «кушать» (6), «питаться» (5), «кормиться» (3). Обращает на себя внимание, что в отличие от изученных нами ранее текстов в словаре «Котлована» отсутствуют

переходные глаголы «питать» и «кормить». Глагольный ряд дополняют производные причастные и деепричастные формы, а кроме того ряд стилистически сниженных предикатов: «жрать», «наесть», «объесться», «разгрызть». Среди именных форм существительное «пища» (19) более чем в шесть раз опережает свой основной синоним «еда» (3), что повторяет статистическую картину в «Чевенгуре», но существенно отклоняется от частотности в обычном и научном языке, зафиксированной словарем Л.Н. Засориной⁴. По сравнению с другими текстами особенно выделяется частотность слов «сытость» (8) и «упитанность» (3). В «Чевенгуре» слово «сытость» употребляется по отношению к душе («сытость души») и понимается как полная душевная удовлетворенность человека. В военных рассказах обозначаемое этой лексемой состояние, понимаемое именно как физиологическое насыщение, становится характерной чертой образа врага. В «Котловане» столь частое использование этих существительных, на наш взгляд, закономерно связано с сюжетным уровнем текста, в котором герои делятся на худых и толстых.

М. Геллер отмечает, что худоба и упитанность в описании персонажей используются Платоновым в том числе как признак, указывающий на их положение на социальной лестнице⁵. Так, в самом низу – мастеровые, рабочие-землекопы, исхудалые, изможденные. Занятые рытьем котлована, установкой фундамента для общепролетарского дома, эти люди говорят о себе, что они – ничто, они забыли себя: «Мы все чуем, а себя – нет». Питание для них скорее рефлекс, а пища – это нечто сродни топливу для машин:

«Мастеровые начали серьезно есть, *принимая в себя пищу как должное, но не наслаждаясь ею* < здесь и далее выделено нами. – Э.Р. >»⁶;

«Если в тишине, не глядя друг на друга и без жадности, *не признавая за пищей цены*, точно сила человека происходит из одного сознания» (320).

Платоновские герои характеризуются через свои действия. Насыщение организма для мастеровых – промежуточный, сопутствующий процесс, этап, необходимый для реализации главной цели – приобретения силы для труда. Поскольку любое действие в платоновском мире фундаментально важно, телеологично, в описании процессов принятия пищи внимание уделяется целям, причинам, характеристике действия. Причем нередко питание приобретает значение некоего объединяющего людей ритуала, которому сообщается идеологический смысл:

«Жачев съел общую кашу, пользуясь ею и для сытости, и для подтверждения своего равенства с двумя евскими людьми» (331);

«Стал питаться от максимального класса, чем рассчитывал принести пользу всему неимущему движению в дальнейшее счастье» (330);

«ел кашу с тем сознанием, что она уже ничья и ее все равно вышвырнут» (330).

Таким образом, даже питание становится для платоновских персонажей зоной, пораженной идеологическими императивами.

На вершущке социальной иерархии располагаются руководители: «главный в городе», товарищ Пашкин и его жена, которых все «мелкие жители города» называют достаточными лицами». Платонов с гротесковыми подробностями описывает бытовое устройство семейства Пашкиных, подчеркивая детали, характеризующие именно «пищевые» излишества. Например: «кухня, которая шумела как котельная, производя ужин» (328); «На его столе находились различные жидкости и баночки для укрепления здоровья и развития активности <...> Пашкин накопил уже достаточно достижений и потому научно хранил свое тело – не только для личной радости существования, но и для ближних рабочих масс» (там же). Супруга Пашкина – женщина «с красными губами, жующими мясо», с «невозможным телом».

Характеристика главного городского руководителя дается веско через единственную деталь: «ответил главный, сталкивая нечаянным движением сытный бутерброд со стола» (353). Признаком сытости наряду с представителями высшей власти наделяются в «Котловане» еще и мухи, которые «жили себе жирующим способом в горячих говяжьих щелях овечьего тела и, усердно питаясь, сыто летали среди снега, нисколько не остужаясь от него» (376).

«Выдумать смысл жизни в голове» – такова установка, которую формулирует для себя Воцев, один из главных персонажей «Котлована». Размышления об истине существования, о смысле жизни постоянно мучают этого персонажа, ввергают в состояние томления и заставляют его забывать о насущных потребностях организма, о питании. Истина приобретает значение пищи, для Воцева она равносильна хлебу. Без нее он теряет жизненные силы: «...у меня без истины тело слабнет, я трудом кормиться не могу» (315); «почувствовал слабость тела без истины» (311); «ослабел телом без идеологии» (370).

В сознании других персонажей истина опредмечивается, осмысливается как некий продукт. На слова Воцева о том, что ему «без истины стыдно жить», Сафронов отвечает: «Скажите, пожалуйста, товарищ, в каком виде вам желательно получить этот продукт – в круглом или жидком» (332) (ср. также в фрагментах чернового автографа: «Это счастье мутное, я чувствую что-то жирное, а истина должна быть вроде влаги или ветра»⁷). Счастье и истина для Воцева сливаются в единое, обобщенное понятие «счастье истины»: «они владели смыслом жизни, что равносильно вечному счастью» (315) (в черновом автографе: «сел на скамейку <...>, по-прежнему не имея счастья истины в себе; «пионеры <...> займутся в своей голове счастьем и смыслом всего существования»).

Подробные описания «воспоминания истины» (а Воцев убежден, что он ее только забыл) мы находим в опубликованном фрагменте чернового автографа «Котлована». Исследователями неоднократно отмечалось, что в окончательном варианте повести Платонов редуцирует, а подчас фактически устраняет моменты, в которых отражается «внутренняя технология» рассуждений героя. Процесс формирования мысли передается как непре-

рывное и напряженное движение не только в голове, но и во всем организме человека, например: «думал *неотлучно*, сосредоточившись всей силой крови и холодея забытыми конечностями тела»; «сочувствие <...> увеличило печаль Вощева»; «она <печаль. – Э.Р.> защищала его своим ровным, ожидающим мучением от *нарастающей* силы *горюющего* ума». В окончательном варианте остается лишь: «гулял мимо людей, чувствуя *нарастающую* силу *горюющего* ума и все более уединяясь в тесноте своей печали» (313). Переживание мысли передается как физиологическое ощущение, которое заставляет Вощева забывать о самом себе.

Свое пребывание в жизни Вощев разделяет на поиски, «вспоминание истины» и существование, собственно жизнь (ср., например, его ответ мастеровым: «...я здесь *не существую* <...>. Я только *думаю* здесь» (315). Метания героя – это реализация взаимной борьбы этих состояний. Потоки мыслей препятствуют протеканию естественных процессов организма: «Около полуночи Вощев *почувствовал в себе жизнь*, как безмолвную надежду, тихо происходящую где-то *ниже горла*; но мысль не может промолвить слово той жизни и тоскует отдельно в высоте головы, в теснинах твердых костей. Однако Вощев не жалел мысли, он был рад и тому, что жизнь его не останавливается, когда истина безвестна: значит, в движении *телесной теплоты* есть чувство смысла, иначе почему же так уверенно работает жизнь, когда *скучная дума* скорбит над нею и *закрывает ей протоки вперед*. Вощев *мог вспомнить про самого себя* – уже было прохладно, *хотелось есть*, – это явилась жалость к телу и самосохранение...» (293). Преодоление этой внутренней преграды, образующейся в теле тесноты ведет за собой опустошение, но вместе с тем возвращение жизни, ощущение самого себя, своего тела. Платоновский человек предстает как своего рода постоянно заполняющийся и опустошающийся сосуд.

Мышление приобретает черты физиологического процесса, движение мысли физически переживается, ощущается персонажем. Мысль, заполняющая тело, становится препятствием для проникновения всего остального, в том числе и пищи. Пищи духовной оказывается достаточно для жизнедеятельности организма; переживания и размышления вытесняют интерес к еде:

«Елисей *не имел аппетита к питанию* и поэтому худел в каждые истекшие сутки» (357);

«Несмотря на то, что люди уже *давно ничего не ели*, их сейчас *не тянуло на пищу*» (391);

«Уходили в избу-читальню и там *оставались не евши весь день*, учась письму и чтению» (387)⁸.

В языке Платонова сближение физиологических и ментальных процессов осуществляется путем столкновения лексики, относящейся к двум этим сферам:

«Вощев встал и, *еще не имея полной веры в общую необходимость мира*, пошел *есть, стесняясь и тоскуя*» (316);

«Он *томился* своим несчастьем *во время сытости*, в дни покоя на прошлой квартире» (310);

«За время сомнения в правильности жизни он редко *ел* спокойно, *всегда чувствуя свою томящую душу*» (316);

«с удивлением *разгрыз* сплошную каменистую конфету» (376);

«ел завтрак *в тоскующем настроении*» (336).

Такой прием, на наш взгляд, автор использует для расстановки добавочных акцентов: с одной стороны, обычное, бытовое действие, прием пищи, отягощается бытийным, экзистенциальным контекстом, с другой стороны, констатируется значимость непрерывных размышлений. В этой связи интересным представляется эпизод, когда Воцев наблюдает за жующими сено лошадьми: «...его удивляло *душевное спокойствие* жующего скота, будто все лошади убедились в колхозном смысле жизни, а он один живет и мучается хуже лошади» (362). Для героя, основной жизненной задачей которого является нахождение истины, такое покойное состояние во время еды равносильно знанию смысла жизни, оно недостижимо и поэтому непонятно.

Пища в художественном мире «Котлована» нередко осмысливается как средство, помогающее заглушить, приостановить переживания, или наоборот: движение веществ в организме, прием пищи становится импульсом, порождающим другую динамику – движение мысли. В качестве примера можно привести поведение Воцева после еды: «он наелся и встал среди трудящихся» (316). Он объясняет это тем, что «сидя, <...> мысль хуже развивается» (316). Или послеобеденные ощущения Козлова, который «от сытости почувствовал радость и ум его увеличился» (332) (ср. в черновом автографе: «поев и *рассеявшись*, Воцев написал заявление»).

Для многих платоновских персонажей характерно ощущение пустоты и глубины внутри себя⁹. Мотив пустоты (с ним связаны глубина и темнота) широко распространен и в «Котловане» (ср.: «пустые глаза» – 357); «пустые сердцем» (372); «им стало теперь ничего не жалко, безвестно и прохладно в душевной пустоте» (379); «у вас в сердце не лежит ничто» (347); «сердце билось во тьме опустошенного тела» (314). О Воцеве говорится, что «он ощущал в темноте своего тела тихое место, где ничего не было, но ничто ничему не препятствовало начаться» (313). Знаменательно, что в черновом варианте эта фраза имеет свое продолжение: «В той *смутной емкости* покоились чувства в первоначальном зачатии, из этого затаенного источника Воцев *питался* всю жизнь»¹⁰. Как нам представляется, под емкостью в данном контексте понимается душа, что вполне соотносится с рядом коннотаций, порождаемых в русском языке устойчивыми сочетаниями, фразеологизмами, в которых «душа» уподобляется сосуду, вместилищу, емкости¹¹. За счет использования определенных лексических средств, в первую очередь, глагола «питался», сочетания «из источника», указания на глубину и темноту вводятся ассоциации с процессом принятия пищи. Подобное опредмечивание души, а также ее локализация в горле (ср.: сердце мужика самостоя-

тельно поднялось *в душу, в горловую тесноту*» – 372) неоднократно используется в других произведениях писателя и создает основу для сближения в платоновском художественном мире «души» и «пищи»¹². Тем самым актуализируется связанность этих понятий в языке, где «душа» приобретает значение некоего «аналога желудка, поглощающего пищу и питье»¹³. В «Котловане» эти существительные нередко сочетаются в одной фразе:

«Он жил так в недавнее время, чувствуя сытость *в желудке* и семейное счастье *в душе*» (346);

«Решил уехать стряпать *пищу* на ее детей, чтобы истомить себя до потери *души* и скончаться» (383).

Будучи одним из ключевых образов художественного мира Платонова, абстрактное понятие «душа» в «Котловане» впитывает в себя общий тон директивности, пронизывающий этот текст, в котором демонстрируется, как идеология переносится не только в сферу быта, но подчиняет себе дух и мысли героев. Строители котлована существуют без «душевной принадлежности», кто-то «отмежевался от души». Крестьянам, насильно загоняемым в колхоз, внушают, что душа – это имущество; отбирая годами нажитое добро, у них опустошают и вырывают душу. В «Котловане» тщетные попытки сохранения души находят буквальное разрешение: будущие колхозники съедают свой скот, дабы спасти его от тягот колхозной жизни: «Говядину <...> ели как причастие, – есть никто не хотел, но надо было спрятать плоть родной убоины в свое тело и сберечь ее от обобществления» (370). Еда осмысляется здесь как действие, которому возвращается его первоначальный смысл. В архаической традиции еда представлялась как сложный семантический комплекс, ассоциирующийся с преодолением смерти, с обновлением жизни, воскресением¹⁴. Сравнение с церковным причастием, вводящее в этот эпизод религиозный контекст, сообщает событию еще более глубокий смысл. Согласно церковным канонам, во время таинства причастия душа получает шанс воссоединения с Божественным началом всего сущего. Через пищу, понимаемую как Плоть и Кровь Христа¹⁵, человек телесно соединяется со своим Создателем (Творец готов стать для нас обычной пищей, лишь бы мы приняли его). Восприятие идет не только земными устами, но и сердцем; важно, что не только душа соединяется с Богом, но и тело. Съедая скот, крестьяне не только телесно соединяются со своей живностью, но и пытаются вернуть, спрятать внутри своего тела душу, ведь этих животных они считают своим «душевым имуществом», своей душой. Об одном из людей Чиклин говорит: «У него душа – лошадь» (363). С другой стороны, эта сцена ассоциируется и с языческим обрядом жертвоприношения, тем более что слово «жертва» этимологически родственно с лексикой, обозначающей питание (ср. «жертва» – «жрать»). Таким образом, акт еды приобретает значение не столько естественного физиологического процесса, сколько возвращения, воскрешения души, акта экзистенциального.

Семантизация души как пищи и пищи как души не только восстанавливает архаическую связанность этих понятий в языке, но и проясняет «телес-

ный» характер души, свойственный мифологическому мышлению¹⁶. Душа для персонажей «Котлована» является средством заполнения внутренней пустоты, предметом, утяжеляющим тело. Инженер Прушевский занят поисками такого производства, которое бы давало «добавочным продуктом душу в человека» (322). Умиравший крестьянин просит жену привязать самовар к животу, чувствуя, что вместе с душой ушла и сила, которая держала его в жизни, ср.: «Посуй мне *пищу* в нутро, а то я весь пустой лежу, *душа* ушла из всей плоти, улететь боюсь, клади <...> какой-нибудь груз на рубашку» (363).

Ранее нами рассматривалось функционирование в платоновских текстах метафоры «питание души» и отмечалась значимость этого образа в контексте исследуемой проблематики. Появляясь впервые в романе «Чевенгур», затем в повести «Джан», этот образ становится одним из ключевых в рассказах второй половины 30 – 40-х годов. По мнению М.А. Дмитриховской, в романе «Счастливая Москва» он восходит к концепции души Платона, сформулированной им в диалоге «Государство»¹⁷. В текстах Платонова мотив «питания души» реализуется не только с помощью генитивной синтагмы, но и с использованием сочетаний с глаголами «питаться», «кормиться» (где субъектами действия являются душа или сердце) и, чаще всего, со словом «питать» («душа» и «сердце» в позиции объекта). На наш взгляд, отсутствие такой лексемы в словаре повести, о чем говорилось выше, связано с общей тематикой и настроением платоновского текста¹⁸. Будучи переходным, глагол «питать» содержит в себе сему направленности действия субъекта на объект, «питать» – значит доставлять что-либо необходимое в какую-либо среду, в организм, снабжать пищей¹⁹. В «Котловане» тщетные попытки найти смысл жизни сначала в труде, в строительстве котлована, затем в «ближнем теле человека», поиски тепла (мифологическое мышление связывает тепло с душой) приводят к тому, что не находится необходимого источника, поддерживающего душу в человеке. Последние надежды рушатся со смертью Насти, в которую буквально вкладывают душу: отдают свою пищу, согревают своим теплом и т.д. Погребение ребенка в основании котлована символизирует и прощание с душой, ведь по многим народным поверьям «душа есть малый ребенок»²⁰.

Представленные в языке повести причастные формы от глагола «питать» связаны со сном. Вот как описывается поведение спящих: «... Около стены спал Чиклин, его опухшая от силы рука лежала на *животе*, и все тело шумело в *питающей* работе сна; босой Козлов спал с открытым *ртом*, *горло* его *клокотало*, будто воздух дыхания проходил сквозь тяжелую темную кровь...» (322). Сон, помогающий восстановить организм для дневного труда, ассоциативно перекликается с процессом питания (ср. также: «сон был глубок и *питателен*» (328). На сходство этих процессов у Платонова указывает такая деталь, как запах: «полевой свет тишины и вянувший запах сна <...> стояли нетронутыми в воздухе» (315). Таким образом, как ни парадоксально, но сон оказывается для персонажей повести моментом, когда они освобождаются от своих мыслей и вспоминают себя, ощущают жизнь в обнаженном смысле²¹.

В «Котловане», как и в других платоновских произведениях, сфера питания, пищи непосредственно связана с жизнью. Чаще всего близость эта выражается за счет грамматической однородности глаголов, характеризующих эти семантические поля:

«Ему снова предстояло *жить* и *питаться*» (309);

«Они *живут* в соломенных избушках, сеют хлеб и *едят* с нами пополам» (350).

Употребленные в одном контексте действия как бы уравниваются, становятся равносильными по своей значимости. Основу для такой взаимосвязи, по нашему мнению, предполагает функция пищи в организме человека, с которой в кровь поступают необходимые для жизни вещества. С другой стороны, «жизнь» и «пища» опосредованно связаны и в языке через ряд «жизнь» – «живот» – «пища». «Жизнь» и «живот» этимологически родственны: слово «живот» (часть тела) возникло лексико-семантическим путем на основе «живот» (жизнь)²². Кроме того, во многих индоевропейских языках значение существительного «жизнь» нередко ассоциируется с животом и кишками (ср.: нем. *leben* «жить», но англ. диал. *lebb* «желудок телянка»; осет. «*соегун*» «жить», но др.-сев. «*gorn*» «кишка»; хет. *kiš(a)* «расти, быть», но рус. *кишка*)²³.

Глагол «питаться» нередко помещается Платоновым в контекст, позволяющий добиться «мерцания» смысла, соприсутствия прямого и переносного значений: «матери *питались* лишь запасами собственного тела» (312); «не желал *питаться* этим зажиточным веществом» (330); «стал *питаться* от максимального класса» (330) и др.

Частотность в языке повести существительного «пища», которое из всех своих синонимов более всего похоже на термин, на наш взгляд, согласуется с общим характером использованной в «Котловане» лексики. Это произведение – один из ярких образцов работы писателя с тоталитарным языком советской эпохи, который он привлекает в качестве материала. Исследователями неоднократно отмечалось обилие в словаре повести канцеляризмов, идеологических терминов, наименований, отражающих дух эпохи и т.д. «Пища» – слово, пришедшее из церковнославянского языка и в силу своего происхождения относящееся к книжному стилю, выступает в этом ряду как одно из абстрактных понятий с обобщенной семантикой, которое активно используется в речи персонажей: «сумка *с пицей* за спиной» (361); «животное взяло посильную долю *пищи*» (362); «шли, не опуская голов к растущей *пище* на земле» (362); «зевнул всем ртом, откуда запахло прошлой *пицей*» (375); «давал ему *пищу* только вечером» (377); «жалобно пели птицы <...>, ища *пищи* в пространстве» (321); «получает *пищу* и приварок как кузнец второй руки» (373); «мне нужна достойная *пища*» (329); «*пища* упала из ртов» (362) и т.д. Синтаксическое разнообразие функций этой лексемы показывает, насколько свободно оперируют ею автор и его герои. Обобщенность, которая вносится в конкретную ситуацию словом «пища», становится своеобразным лейтмотивом повести, выливается в тенденцию все называть какими-то наименованиями; в конце концов

сами люди теряют свою идентичность, «обобществляются», именуется «колхозом», «никто» и «ничто». Свойственное персонажам «телесное мироощущение»²⁴, стремление прикоснуться, ощутить предмет, чтобы его яснее прочувствовать, желание прекратить свою оторванность от другого человеческого «я», обрести в ближнем истину жизни парадоксально сочетается с языком, который отчуждает людей друг от друга за счет навязанных им терминов, штампов, лозунгов и клише.

Как проникает в сферу чувств идеологическая терминология, так существенно расширяет в языке повести зону своего употребления лексика, составляющая семантическое поле пищи. Так, существительные «пища», «питание», «сытость» приобретают процессуальное значение, осмысливаются как некий отрезок времени, событие: «*после пищи* вышли наружу» (331); «Сафронов сообщил ему *после питания*» (316); «томился своим несчастьем *во время сытости*» (310); «находился *накануне питания* жирами» (325).

Обращает на себя внимание, что в «Котловане» существенный слой лексики с семантикой пищи используется в переносном значении и участвует в образовании метафорических выражений. Причем в подавляющем большинстве случаев, за исключением метафор со словом «время» (например: «время всю пользу съест» (318) и др.), которые в обычном языке подчас воспринимаются как стершиеся, в таких сочетаниях используются революционные понятия, идеологемы, а тематически они восходят к проблемам преобразования мира в условиях происходящих политических изменений. На наш взгляд, не случайно, что все эти выражения относятся к прямой речи персонажей:

«если ты, Козлов, *умственную начинку* имеешь <...>» (332);

«А потом мы должны бросить каждого в *рассол социализма*, чтоб с него слезла шкура капитализма и сердце обратило внимание на жар классовой борьбы и произошел бы энтузиазм» (343);

«Пролетариату полагается движение, а что навстречу попадет, то все его: будь там истина, будь кулацкая награбленная кофта – все пойдут в *организованный котел*» (358);

«Не меня, а весь *класс испил*, сухая душа, а мы бродим, как тихая гуща, и не знаем ничего!» (393) и др., примеры можно умножить.

Используя подобный «пищевой код», персонажи повести, на наш взгляд, пытаются разобраться, объяснить для себя происходящие изменения понятными для них словами, они «притираются» к новому языку. Появляющиеся еще в «Чевенгуре» идеологические метафоры, так или иначе соотносящиеся с пищевой тематикой, заполняют пространство языка повести «Котлован».

Возможно, Платонов использует такие конструкции, чутко уловив механизмы формирования современного ему языка советской эпохи. В конце 20 – 30-х гг. проблема питания активно обсуждалась в прессе. Элементы «пищевых кодов» использовались в языке газет, директив того времени. Вот, например, как писала об организации библиотечной политики Н.К. Крупская: «Знание грамоты можно сравнить с ложкой. Ложкой удобно хлебать щи, но

если щей нет, то, пожалуй, не к чему обзаводиться и ложкой. Дело библиотеки – поставлять миску со щами – сокровищницу знаний – владельцам ложек. Это лишь часть задачи. Щи щам – рознь. Надо варить их не из сена и трухи, а из достаточно питательных веществ, надо сделать варево удобоусвояемым, вкусным»²⁵. Чтение сравнивается с варевом, которое для народа готовят идеологи новой культуры. Если Крупская писала об этом в 1924 году, то двумя годами раньше в статье «Пшеница человеческая» Осип Мандельштам размышлял: «Духовая печь истории, некогда столь широкая и поместительная, жаркая и домовитая духовка, откуда вышли многие румяные хлеба, забастовала. Человеческая пшеница всюду шумит и волнуется, но не хочет стать хлебом, хотя ее к этому понуждают считающие себя ее хозяевами грубые собственники, владельцы амбаров и закромов»²⁶. Явно прослеживающиеся в работе Мандельштама аллюзии на библейскую символику, по нашему мнению, не мешают видеть в текстах этих авторов, относящихся к разным культурным слоям, к разным политическим лагерям, некую общую доминанту, которой является «пищевой код».

Таким образом, в «Котловане» семантический комплекс пищи становится проводником внетекстового контекста. Эмпирическое действие – прием пищи – приобретает статус экзистенциального акта; питание и мышление осмысливаются как два взаимосвязанных и часто противоборствующих процесса, пища связывается с жизнью, а абстрактные понятия «истина» и «душа» понимаются как «добавочные продукты» в теле человека.

В период работы над «Котлованом» Платонов начинает новое произведение, в котором тема пищи становится одной из основных сюжетных линий, – это пьеса «Шарманка». Ее анализ в указанном ключе составит содержание отдельной статьи.

¹ Статья логически примыкает к нашим работам: *Рудаковская Э.* «Сытость души...» Тема пищи в романе А. Платонова «Чевенгур» // Структура текста и семантика языковых единиц. Калининград, 2001. С. 42 – 57; *Рудаковская Э.В.* К семантике пищи в рассказах А. Платонова второй половины 30 – 40-х годов (в печати).

² *Костов Х.* Мифопоэтика Андрея Платонова в романе «Счастливая Москва». Helsinki, 2000. С. 164. (Slavica Helsingiensia. №19).

³ *Кубо Х.* Новое тело: коммунизм и телесность у Андрея Платонова // Осуществленная возможность: А. Платонов и XX век. Воронеж, 2001. С. 23 – 24.

⁴ Для сравнения: согласно данным словаря Л. Засориной, соотношение употреблений «пищи» в научных текстах и в художественных составляет соответственно 46:10, «еды» 0:23, см.: *Засорина Л.Н.* и др. Частотный словарь русского языка. М., 1977.

⁵ См.: *Геллер М.* Андрей Платонов в поисках счастья. М., 1999. С. 266 – 267.

⁶ *Платонов А.П.* Котлован // Платонов А.П. Собр. соч.: В 5 т. М., 1998. Т. 2. С. 315. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием страницы в тексте.

⁷ *Вахитова Т.В., Филипов Г.В.* К творческой истории повести Андрея Платонова «Котлован»: Фрагменты черного автографа // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы: Библиография. СПб., 1995. С. 100.

⁸ Ср. также в черновом автографе: «Вощев томился, потому что *был согласен жить до смерти без куриного яйца*, лишь бы знать основное устройство всего мира» (ФЧА 107); «Я тоже мучаюсь, как и вы, только я от мысли потерял трудоспособность и *не знаю, чего мне есть*» (ФЧА 92); «Нет, – отказался Вощев, – у меня нет аппетита, лучше я пойду подумаю» (ФЧА 92). Фрагменты чернового автографа (ФЧА) цитируются по указанному выше изданию.

⁹ О феномене пустоты как особенности человеческого сознания у Платонова см.: *Дмитровская М.А.* Язык и мирозерцание А. Платонова: Автореф. дис. докт. филол. наук. М., 1999. С. 38.

¹⁰ *Вахитова Т.В., Филипов Г.В.* Указ. соч. С. 94.

¹¹ См. об этом: *Михеев М.* Отражение слова «душа» в наивной мифологии русского языка: опыт размытого описания образной коннотативной семантики // *Фразеология в контексте культуры*. М., 1999. С. 151.

¹² На связанность «души» и «пищи» у Платонова указывает М.А. Дмитровская (Указ. соч. С. 45); см. также нашу статью: *Рудаковская Э.В.* «Сытость души...» Тема пищи в романе А. Платонова «Чевенгур».

¹³ *Михеев М.* Указ. соч. С. 155.

¹⁴ *Фрейдберг О.* Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. С. 56.

¹⁵ Не случайно здесь: «плоть родной убоины».

¹⁶ См. об этом, например: *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М., 1976. С. 165 – 166.

¹⁷ *Дмитровская М.А.* Указ. соч. С. 45.

¹⁸ В рассказах второй половины 30 – 40-х годов источником питания души для платоновских героев является, как правило, присутствие другого человека, а также явления, субстанции, так или иначе связанные с живым существом, исходящие от него. Особенно эта тенденция характерна для военных рассказов, ср.: «дело это питает его сердце терпением и радостью, преодолевающими страх» («Сержант Шадрин»); «Человека питают и радуют своим духом все люди, живущие с ним, весь его народ и все человечество» («Среди народа»); «Он чувствовал, как тепло веры народа и праведность его духа питает его» («Среди народа»). В фрагменте чернового автографа «Котлована» находим: «Вощев находился, словно озеро, питаемый каждым совместно-живущим с ним человеком, как потоком» (ФЧА 94).

¹⁹ *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1998. С. 510.

²⁰ *Соболев А.Н.* Мифология славян: Загробный мир по древнерусским представлениям: Литературно-исторический опыт исследования древнерусского народного мирозерцания. СПб., 2000. С. 64.

²¹ Ср. в черновом фрагменте: «Сон для Козлова и всех мастеровых был почти главной жизнью – в нем они забывались для сбережения тела, там они видели мир уже доделанным до конца и им оставалось краткое счастье существования и медленное дыхание в груди» (ФЧА 104). Согласно указанному нами выше разделению жизни на существование и мышление, сон соответствует моменту наилучшего ощущения жизни.

²² См.: *Этимологический словарь русского языка* / Под ред. Н.М. Шанского. М., 1973.

²³ *Маковский М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996. С. 154.

²⁴ Термин В. и С. Пискуновых. – См.: *Пискунов В., Пискунова С.* К выходу в свет романа «Чевенгур», повестей «Котлован» и «Ювенильное море» // *Литературное обозрение*. 1989. №1. С. 27.

- ²⁵ *Крупская Н.К.* Распределение книжных богатств // Педагогические соч.: В 10 т. М., 1960. Т. 8. С. 21.
- ²⁶ *Мандельштам О.Э.* Пшеница человеческая // Мандельштам О.Э. Соч.: В 2 т. – Тула, 1994. Т. 2. С. 285.